

СТАТЬИ И ЭССЕ

*Яницкий О.Н.**

«КРИТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В «ОБЩЕСТВЕ РИСКА»

Аннотация

В статье на российском материале анализируется феномен «критического случая», т.е. такого состояния «общества риска», когда производство бедствий и разрушений является доминирующим способом общественного производства. Подобные случаи могут как возникать в ходе длительной деволюции общества, так и конструироваться политическими средствами. Рассматриваемый случай есть легитимация производства рисков, выгодная силам, находящимся за пределами критической зоны. Этот случай есть также гуманитарная катастрофа, ведущая к невосполнимым потерям человеческого капитала. В рассматриваемом случае социальный порядок теряет всеобщий характер и фактически приватизируется. Иными словами, «критический случай» представляет собой иррациональный социальный порядок, который заставляет социологов пересматривать сложившиеся представления о норме и патологии, привычном и экстремальном и т.д.

Постановка вопроса

В современной российской социологии сложилась любопытная ситуация. В ответ на слом прежней социетальной системы и сопровождающие его негативные процессы множатся работы, изучающие страхи и катастрофы в современной России. Это – философско-социологические исследования страхов [1], серия российских и международных исследований, посвященных катастрофическому сознанию в современном мире [2], анализ способности людей противостоять страхам и тревогам [3]. Это работы по риск-рефлексии в идеологии общественных движений [4]. В публикациях Л. Гудкова страх трактуется как «рамка» интерпретации настоящего, как негативный модус соотнесения, переоценки важнейших повседневных практик [5]. Воздействие рисков и опасностей на уклад жизни территориальных сообществ изучается коллективом под руководством А. Мозговой [6]. Восприятие мегарисков (Чернобыльская катастрофа) и связанный с ними экзистенциальный страх исследуются украинскими социологами [7]. Иными словами, множатся работы, посвященные поведению человека и сообществ в экстремальных ситуациях. Однако в большинстве из них социальные катастрофы трактуются как события или ситуации, порожденные рисками различного масштаба и силы. Лишь в очень немногих проектах страхи (этнические и другие фобии) исследуются и трактуются как моменты особого типа воспроизводства социальной жизни и социального порядка [8–10].

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на основе разработанной мною применительно к современной России концепции «общества риска» [11–14] рассмотреть изменения социального порядка общества и ряда связанных с ним характеристик в ситуации

* Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН. E-mails: yanitsky@mtu-net.ru; yanitsky@isras.ru

Статья подготовлена при поддержке РГНФ грант №02-03-18140а

© Центр фундаментальной социологии, 2002г.

© Яницкий О.Н., 2002г.

«критического случая», т.е. в таком состоянии «общества риска», когда производство бедствий и разрушений является доминирующим способом общественного производства.. Настоящее исследование опирается главным образом на материалы журналистских расследований чеченского конфликта. Однако легко убедиться, что предлагаемая вниманию читателя тема анализируется другими авторами на ином материале [15–17].

Общие теоретические положения

Риск есть вероятность потерь (бедствий, разрушений) или приобретений (благ, социального или культурного капитала), имеющих ценность для некоторого социального субъекта (человека, группы, сообщества, общества). Этот двойственный смысл риска (его двойственная вероятность) заложен в каждом акте социального производства.

Риски могут возникать естественным путем в ходе эволюции общества или же социально (политически) конструироваться. Так, в современных условиях «конфликт» (центра и периферии, государства и одного из его субъектов, национальных групп) может не только конструироваться, но и доводиться до состояния «критического случая» противоборствующими группами интересов.

Риски являются следствием как действия, так и бездействия. Степень риска может варьировать от незначительной до критической, т.е. разрушительной для данного субъекта. Для всякого социального субъекта есть социально приемлемый уровень риска, детерминируемый культурой, его собственным опытом и конкретной ситуацией.

Риски, подобно любому продукту общественного производства, могут отделяться от их непосредственного производителя и функционировать в обществе самостоятельно как «социальные факты» либо как некоторый социальный инструмент (идеология, социальный проект, общественное движение).

Критическим (именно критическим, а не кризисным, поскольку кризис есть фаза или момент развития общественного производства) я называю состояние социального субъекта или ситуацию, когда производство рисков как потерь (бедствий) является безраздельно господствующим способом социального производства.

С метатеоретической точки зрения, «критический случай» есть предельный («идеально-предельный» по терминологии П. Сорокина) случай производства риска именно как бедствия: максимальная ставка (угроза распада государства, конкретного сообщества; жизнь человека) в условиях максимальной неопределенности ситуации и перспектив (непрогнозируемость, некалькулируемость последствий).

В «обществе риска» «критические случаи» регулярно повторяются, воспроизводятся вследствие постоянно воспроизводимого внутреннего раскола в самом обществе (его правящей элите, между конкурирующими группами интересов внутри и за пределами страны). В конечном счете возникновение подобных случаев коренится в отсутствии у общества и его социальных субъектов способности к обучению на ошибках и самокритике, т.е. к рефлексии.

Теоретически господство производства рисков (именно как потерь, бедствий) в некотором (со)обществе означает:

(1) прекращение производства материальных и духовных благ и, следовательно, распад и постепенное исчезновение или перерождение всей совокупности социальных институтов и отношений, связанных с этим процессом. Созидание как основополагающая форма социального действия и, следовательно, как социологическая категория теряет смысл. Коллективные социальные субъекты (сообщества, государства, сетевые системы) переключаются на производство средств разрушения и обороны, равно как и на производство разрушительных действий как таковых;

(2) происходит чудовищная трансформация института труда. Во все времена мирный (созидательный) труд соседствовал с ратным, т.е. разрушительным. Однако в «критическом случае» фактической целью мирного труда становится разрушение, инструментом – насилие,

а результатом – нанесение ущерба (частичного или максимального). Под категорию мирного труда в таком случае подпадают заложничество, производство и торговля наркотиками, торговля «живым товаром», использование рабского труда, производство различных фальсификатов (продуктов питания, алкогольной продукции, лекарств). Такой «мирный труд» порождает в обществе всеобщее недоверие и страх;

(3) под воздействием этих трансформаций в конечном итоге изменяется все: социальный порядок, социальная структура сообщества, уклад повседневной жизни, психология людей, отношение к окружающему миру. Поэтому возникающие в этой среде экологические или психические факты должны социологически интерпретироваться и рассматриваться в качестве социальных фактов («я хочу умереть» – тоже социальный факт);

(4) в рассматриваемом случае производство бедствий превращается из сопутствующего момента производства благ (социальных ценностей) в доминирующий способ социального производства, имеющий свои цели, ценности, институты и закономерности. Хотя внешне институты, организующие социальный порядок, могут сохраняться (законодательство, парламент), по существу это – уже другое общество;

(5) производство рисков (именно как бедствий, разрушений) не может быть точечным процессом. Здесь действует закон социальной симметрии. Подобно тому, как социальное развитие осуществляется постепенно, «ареалами», так и целенаправленное производство рисков из точечного процесса рано или поздно превращается во всеохватывающий;

(6) геноцид, война, подрывная деятельность, терроризм как массовое действие представляют собой не отдельные акты насилия и даже не их совокупность, но организованное производство рисков, нацеленное на разрушение некоторого социального сообщества;

(7) доминирование производства рисков (бедствий) формирует в критической зоне специфические «пространство и время». Физические расстояния измеряются не скоростью средств передвижения, а масштабом ожидаемых потерь и соответственно ресурсом, необходимым индивиду (группе) для обеспечения своей относительной безопасности. Риск и порождаемые им страх и всеобщее недоверие детерминируют траекторию, скорость и ритм пространственных перемещений. Например, день и ночь – оцениваются уже не как привычные периоды бодрствования и сна, работы и отдыха, а с точки зрения вероятности причинения ущерба и защиты от него, т.е. как более или менее опасные «временные коридоры» для человеческой активности;

(8) производство бедствий имеет свою логику развития (эффект бумеранга): террор порождает антитеррор, насилие порождает насилие, военные действия – сопротивление и т. д. Однако при длительном развитии критической ситуации в конечном счете складывается некоторое единое «критическое сообщество» (антисообщество, или негативный симбиоз) сил вторжения (давления), сопротивления (защиты, обороны) и страдающих мирных граждан;

(9) феномен двойного риска. В сущности «критический случай» есть предпосылка и результат двустороннего процесса демодернизации. С одной стороны, производство общественной жизни и социальных ценностей не только минимизируется, но и приобретает архаичные формы (собирачество, натуральный обмен, вынужденное иждивенчество, грабежи, похищение людей, выкуп). Экономически и социально активное население резко сокращается. С другой, технологии разрушения и нанесения ущерба «противнику» становятся все более изощренными, а орудия разрушительных действий – постоянно модернизируются. Возникает институт «обучения насилию и разрушению» (тренировочные лагеря для обучения террористов, фильтрационные пункты). Еще одна проблема заключается в том, что в рассматриваемом обществе форма более не соответствует функции – под шапкой организаций созидания (учебных, экспертных, благотворительных, спортивных) осуществляется накопление разрушительного потенциала;

(10) социальная среда критического сообщества из поглотителя рисков трансформируется в их производителя, от которых страдают все стороны, вовлеченные в

конфликт (эскалация враждебности и обучение насилию, похищения людей, скота и домашнего имущества, болезни и эпидемии, страх, психические расстройства и самоубийства). Рискогенная среда выталкивает трудоспособное население, ориентированное на созидательный труд, и, напротив, притягивает криминал во всех его формах. Однако главный риск состоит в том, что организация социальной среды целиком детерминируется формами и ритмами «критического случая». В подобных ситуациях самоорганизация населения приобретает специфические формы: организация сопротивления (партизанская война), посредничество (между враждующими сторонами), криминальный бизнес и возникновение групп взаимопомощи с целью физического выживания;

(11) трансформируется и социально освоенная среда обитания (природный и техногенный ландшафт). В обществе возникают «зоны», непригодные для хозяйства и нормальной жизни из-за перманентной угрозы невосполнимых потерь вследствие военных действий, загрязнения среды или периодических «зачисток». Вместе с тем даже много позже после формального установления «мира» (прекращения военных действий или введения миротворческого контингента) обжитые ранее территории – зоны жизни – превращаются в «мертвые зоны» (земля, непригодная для обработки, минные поля, отравленные реки, разрушенные поселения и ирригационные системы).

Историко-культурные и геополитические предпосылки

«Критический случай», как и порождающий его процесс общественного производства рисков, имеет две стороны. С одной, подобный случай представляет собой концентрированное выражение его долговременных негативных тенденций. Распад СССР и последовавшие за ним разрушение экономических и социальных институтов, массовая безработица, социальная неустроенность, подавленность психики – все это привело в конечном счете к производству «энергии распада» (безработные, беженцы, вынужденные переселенцы, криминальные сообщества) [14] и как результат – к появлению «критических зон» на территории страны.

С другой, что и случилось в России, серия «критических случаев» является инструментом и результатом большой политической игры или проекта. Военная угроза или «маленькая победоносная война», массовые разрушения и катастрофы использовались как средства консолидации нации и мобилизации ее ресурсов с целью консервации разрушающегося социального порядка [18]. Но если предпосылки для конструирования «критического случая» могут быть выявлены достаточно определенно, то траектория его развития и, следовательно, масштаб потерь не поддаются вычислению, потому что по ходу дела в игру вступают все новые группы интереса. Так, чеченский, абхазский и ряд других конфликтов получили название «договорных войн», поскольку были результатом соглашения (или сговора) военно-политических сил, находившихся далеко за пределами данного региона.

«Критический случай» критичен именно потому, что стороны, вступившие в силовое взаимодействие, исключили историко-культурный фактор из своих идеологий, программ и практик этого взаимодействия. Так, по отношению к современной Чечне российские военачальники применили принцип «белого листа», высмеянный еще Л. Толстым в «Войне и мире».

Как пишет Д. Фурман, речь прежде всего идет об игнорировании системы ценностей, в значительной мере сохранившейся до сих пор, чеченском свободолюбии и своеобразном симбиозе «анархической» разобщенности и сплоченности. Во-вторых, не была учтена интравертность и закрытость чеченского общества. «Мнение своих значит очень много, мнение же чужих, например, русских, – мало». В-третьих, идеологи первой чеченской войны (1991–1994 гг.) забыли о психологическом факторе формирования социального порядка. Депортация – это страшная психологическая травма, воспоминание о которой и ужас перед возможностью ее повторения преследуют каждого чеченца. События тех лет оживили этот

ужас. Чеченцы не просто боролись за свободу Чечни, они боролись за жизнь, за существование своего народа, не только против реальных угроз и опасностей, но и против мифологической угрозы. Наконец, это специфика современной чеченской элиты, состоящей из представителей низовых и маргинальных социальных слоев, не способных ввести национально-освободительное движение в «цивилизованное» русло.

Поэтому, заключает Фурман, «главный источник чеченских бед – само чеченское общество. Все чеченские проблемы упираются в одну – трудность создания в Чечне упорядоченного правового государства, трудность, связанная с глубокими особенностями чеченской культуры». Особое значение имеет двузначность, двумирность современной чеченской культуры. С одной стороны, это способность смело и изошренно воевать и побеждать, а с другой – отсутствие идеологических и психологических предпосылок для построения своей государственности [19].

Историко-культурной предпосылкой формирования «критического случая» явилась культивируемая с обеих сторон подозрительность и отчужденность, которая была питательной почвой создания «взаимных» образов врага. Если со стороны российских идеологов это был культивируемый еще со сталинских времен образ «подозрительного и неблагонадежного народа», которому не следует доверять (позже – «лицо кавказской национальности»), то чеченскими идеологами врагами Чечни объявлялись не только Россия, но Запад вообще и даже «международное еврейство».

Однако при всем различии менталитета и исторического опыта чеченцев и русских, они не были враждебны друг другу. Но длительная и жестокая социальная и экономическая маргинализация тех и других сделала их не только социально, но и политически неустойчивыми, склонными поддерживать идеи «сильной руки» и наличия «внешнего врага». Порядок, основанный на идеологическом стереотипе «дружбы народов» и соответствующих ему общественных практиках, рухнул в одночасье.

О «критическом» модуле общественного производства

Несмотря на свою кажущуюся исключительность, «критический случай» подчиняется общим закономерностям функционирования «общества риска». В рамках данной теоретической точки зрения, «последствия» разрушительных действий (убитые, пропавшие без вести, раненые, пленные, захваченные в рабство, психически покалеченные, сообщества беженцев и переселенцев, омертвление земли) никуда не исчезают. Напротив, они представляют собой активные социальные факты, которые, порождая другие социальные факты, в конечном счете производят социальные изменения не только в социальном порядке «критической зоны», но и обществе в целом. Всеобщность риска состоит в данном случае в том, что эти «последствия» изменяют политический климат в стране, влияют на общественное мнение и поведение людей, стимулируют возникновение новых инициативных групп и общественных движений, ложатся бременем на бюджет страны, на институты реабилитации и социальной защиты, формируют психологию молодого поколения. Наконец, эти «последствия» надолго остаются в памяти каждого. Таким образом, «закон бумеранга» (У. Бек) действителен и здесь.

Но дело не только в «бумеранге». Восстановление, выход из «критического случая» всегда дороже и дольше при том, что прежний уровень никогда не достигается. Как на месте срубленного дуба сначала может вырасти только осина, так и на месте разрушенного социального порядка может возникнуть сообщество, организованное «на порядок» ниже. Своего рода социальная сукцессия. Могут возразить: а стоит ли возрождать прежний порядок? Это – особый вопрос, который мы здесь не рассматриваем. Дело в другом – в ухудшении качества социума, в частности под воздействием отрицательной селекции, когда в процессе разрушительных действий изменяется качественный состав населения – гибнут (эмигрируют, дисквалифицируются, болеют, умирают) его лучшие элементы и остаются жить и плодиться «худшие». П. Сорокин подчеркивал, что «элементы морально чистые» не

выдерживают «раздражений» среды, не могут отказаться от выполнения своего долга, что «усиливает риск гибели таких людей» [20, с. 423–424). Таким образом, говоря современным языком, «критический случай» означает невозможность былого человеческого капитала.

«Критический случай» в терминах социологии есть *гуманитарная катастрофа*, т.е. такое состояние общества, когда оно не способно самостоятельно поддерживать свою жизнедеятельность на минимально допустимом уровне (самосохранение). Основные характеристики гуманитарной катастрофы: отсутствие производства благ и услуг, голод, болезни, эпидемии, полная социальная и территориальная иммобильность. Сокращающееся и социально деградирующее вследствие названных выше причин человеческое сообщество выживает исключительно благодаря гуманитарной помощи (т.е. притоку ресурсов извне).

Большинство населения, прежде всего женщины и пожилые люди (стариками), хотят работать, получать нормальную зарплату, посылать детей в школы и вузы. Но жизнь на благотворительную помощь в конце концов разлагает. «Народ к этому привыкает и начинает паразитировать». Поэтому в лучшем случае, как это и происходит на деле, приходится начинать с восстановления патерналистского социального порядка советского образца: минимальное государственное обеспечение мирного населения (зарплата, пенсии, пособия) при минимальной его ответственности за все остальное.

Выделим еще два признака этой катастрофы. Во-первых, «эхо» производства бедствий имеет очень долгий «период полураспада» вследствие неспособности соответствующих (похоронных, судмедэкспертизы и др.) служб выполнять свои функции должным образом (поиск убитых, раненых, пропавших без вести, похищенных военных и гражданских лиц, их идентификации, информирования родственников, доставки тел убитых и похорон). Этот процесс иногда растягивается на годы, ударяя не по виновным в непрофессионализме и халатности, а по родственникам погибших. Такой вот специфический «бумеранг». Во-вторых, эта неадекватность государственных служб вынуждает родственников вести самостоятельные поиски и расследования в одиночку, на свой страх и риск, теряя последнее здоровье и терпя бесконечные унижения от российской бюрократии. Возник даже специальный термин – «материнское расследование». Страдания тех, у кого родственники пропали без вести или погибли, это тоже гуманитарная катастрофа.

«Критический случай» в терминах социологии есть также одна из фокальных точек *информационной войны*. Публичный дискурс по поводу «случая» формирует общественное мнение и детерминирует политический процесс, стимулируя возникновение (специфических) риск-размежеваний и риск-солидарностей. Информационная война затрагивает жизнь миллионов людей и организаций далеко за пределами критической зоны. Как свидетельствует новейшая история, многие «критические случаи» были заранее так или иначе политически сконструированы и затем растиражированы СМИ. Всякий мельчайший поворот событий в зоне «критического» риска просматривается и оценивается «наверху» с точки зрения его политической целесообразности.

Вместе с тем информация и сети ее распространения – мощный источник психологических рисков. Поскольку «критических случаев» становится все больше (аварии, природные и рукотворные катастрофы, заказные банкротства, убийства и похищения), электронные СМИ постепенно превращаются в производителя *катастрофической атмосферы* в обществе. Так как человек не может все время адекватно реагировать на поток «черной» информации, то мы получаем обратный результат: «наркотизацию страхом» и, следовательно, невосприимчивость людей к беде, апатию (астенический синдром, по Ю. Леваде). Заметим, что «критический случай» есть ситуация без обратной связи. Тысячи военных, политиков, ученых комментируют подобные случаи (Афганистан, Чернобыль, Чечня, Таджикистан), десятки благотворительных и иных организаций включены в этот коммуникационный процесс, кроме самого местного населения. Оно не имеет прямого права голоса, его мнение систематически не изучается и не анализируется.

В мотивационном смысле «критический случай» представляет собой механизм трансформации производителей в разрушителей или спасателей. Мирные граждане превращаются в солдат или боевиков, строители – в саперов и подрывников, больницы превращаются в госпитали и т.д. Особый момент – это понуждение к разрушительной деятельности, т.е. превращение в «боевиков» тех граждан, которые стремятся жить мирным трудом. Частный, но важный момент: в России долгое время сохранялось уважительное отношение к противнику. Сегодня же криминальная (блатная) культура господствует безраздельно.

«Критический случай» в политэкономических терминах представляет собой легитимацию производства рисков, опасностей, разрушений. Подобный случай для его организаторов есть дважды экономически выгодное занятие. Во-первых, это производство оплачивается им как «служба» из государственного бюджета, причем, скажем, боевые действия оплачиваются (всем вовлеченным в конфликт сторонам) выше, чем просто военное присутствие. Во-вторых, капитализируются сами последствия производства бедствий. Например, как это было еще недавно, контролировать разрушенный Грозный – значило, контролировать грозненские рынки, вывоз цветного металла с разрушенных предприятий и околוגрозненские нефтяные вышки. А кроме того, контролировать основные финансовые потоки из Москвы на восстановление Грозного [18, с. 4]. Наконец, «критический случай» увеличивает политический и социальный капитал его идеологов и организаторов.

Особо отметим такую форму производства разрушительных действий, как безадресный и анонимный терроризм. В отличие от «адресного» теракта (т.е. целенаправленного риска), который обычно представляет собой «заявку» на диалог с противником, безадресный и анонимный терроризм является типичной формой *всеобщего риска*, поскольку имеет своей главной целью нагнетание атмосферы страха и неопределенности во всем обществе. Ему сопутствует другая форма всеобщего (безадресного) психологического давления на все население, безразлично – мирное или воюющее: распространение тревожных слухов (о возможном выселении, переселении и т.д.), а также «беспокоящий огонь».

«Критический случай» легитимирует не только производство разрушений, но и потери любых ресурсов. Иными словами, легитимируются все виды производства рисков, в том числе рисков для их производителя. Перефразируя известный принцип, можно сказать, что «критический случай все спишет» (людские потери, ресурсы, вложенные в восстановление городов, инфраструктуры и т.д.). Это старая форма легализации «беспредела» является родной сестрой столь же древнего принципа «победителей не судят». Вместе с тем, подобные случаи являются рациональными и морально оправданными с точки зрения существующей концепции национальной безопасности, поскольку позволяют списывать старую технику, опробовать новые военно-технические системы, совершенствовать тактику армейских и контртеррористических операций, т.е. модернизировать силовые структуры государства. В этом – еще одно проявление двойственности производства рисков.

Наконец, «критический случай» повсеместно порождает различные формы *теневого торга*: между носителями военной и политической целесообразности, между мирным населением и работоторговцами, между призывниками и военкоматами (откуп от призыва в армию). Торгуются гражданские и военные, политики и депутаты о цене любой достоверной информации, касающейся возможного риска или реальной угрозы, о цене помощи тем, кто оказался в зоне «критического случая», о праве распоряжения ресурсами и имуществом в зоне конфликта и т. д.

Изучаемым нами случаям обычно сопутствуют два вида бизнеса: большой, завязанный на международные финансово-промышленные группы, и малый, строящийся на разрушениях и несчастьях мирных жителей. Большой бизнес войны – тема отдельного разговора. Отметим лишь два момента, связанные со средой обитания рядовых граждан.

Возникновение «критического случая» очень часто есть результат столкновения в некоторой точке между конкурирующими силовыми и финансово-промышленными группами, находящимися далеко за пределами критической зоны. «Критические случаи» порождают вокруг них неопознанные военизированные формирования и группы местных жителей, источником существования (или наживы) которых является «окончательная» разборка инфраструктуры гражданских и военных поселений, брошенной техники, коммуникационных сетей и т. п.

Малый бизнес – это базар, на котором жители торгуют продуктами разрушений (кирпичом, деревом, металлоломом и прочими элементами строительного мусора) плюс сеть полулегальной торговли продуктами и предметами, проданными военными служащими или кем-то украденными с еще действующих в зоне конфликта предприятий и инфраструктур (газ, конденсат, бензин, продукты питания). Как отмечается, ситуация «полувойна–полумир» является источником существования как рядовых военных, так и бедствующего населения. В общем и целом с экономической точки зрения рассматриваемый случай есть способ и форма утилизации *продуктов разрушений и распада*, и в этом смысле он принципиально не отличается от процессов, происходящих в обществе в целом.

Однако «критический случай» характерен особой формой экономических отношений – торговлей живым товаром. Речь идет об экономической стороне процесса посадки-освобождения людей за участие в бандформированиях. Ему сопутствует рынок торговли правами человека, но рынок этот также «критический», криминальный, поскольку он основан на доносительстве и стремлении поживиться за счет чужой беды. Причем у жертвы нет никаких гарантий (максимальный риск): если ты откупился один раз, скорее всего заставят откупаться еще и еще. В подобных ситуациях формируются и сообщества людей, узурпировавших у государства функцию поддержания социального порядка, осуществляемую в форме частной торговли правом на жизнь.

Вообще, когда сообщество лишено возможности вести нормальное производство, оно старается выжить не только за счет гуманитарной помощи, но и мобилизации внутренних (накоплений, личного имущества) и экспроприруемых ресурсов, торговли с противоположной стороной. Солдаты продают ворованное горючее, местные жители – конденсат, произведенный на подпольных мини-заводах по перегонке нефти. За право продажи воды населению соперничают федералы и теневые дельцы. Максимальный риск для жизни рядовых военнослужащих, помноженный на их материальную бедность и высокую степень неопределенности ситуации (политической и военной), в которой они находятся, инициируют процесс деградации армии как «производителя порядка». Чем дольше сохраняется подобная ситуация, тем интенсивнее деморализуются силовые структуры и тем меньше способны заниматься своим прямым делом. В мыслимом пределе эти силы превращаются в добытчиков пропитания, торговцев оружием и правом на жизнь.

Выше мы говорили, что одинаково рискованными могут быть ошибочные решения и бездействие. В критических зонах растет число имобильного и одновременно пострадавшего населения (старики, дети, раненые, больные, в том числе психически подавленные), в отношении которого «риск бездействия» может иметь необратимые последствия, особенно когда это касается имобильной части населения. Если в других случаях (лагери беженцев) помощь все же приходит, то здесь цена вопроса – сотни и тысячи человеческих жизней.

Пространство «критического случая» может быть условно представлено в виде ряда концентрических кругов вокруг некоторой «горячей точки». Спецификой этой структуры «центр–периферия» является тот факт, что разрушительные действия направлены одновременно от центра к периферии и от нее – к центру. Чем выше давление центра в «горячей точке», тем интенсивнее распространяется «эхо» этих действий по всей стране. В конечном счете, социальная экология критического случая представляет собой территориально расширяющуюся сеть источников и жертв риска.

«Критический случай» – это уже не стагнация и даже не демодернизация, а почти полная остановка общественного производства и соответственно – нищета. Отец семейства (хозяин) не может прокормить семью, что для дагестанца или чеченца просто невыносимо. А рядом – бурный рост «производства разрушений», т.е. война или подготовка к ней. Поэтому, хотя «критический случай» экономически выгоден обеим воюющим сторонам, он разрушителен для мирного населения. «Сегодня Чечня имеет статус, лучше которого не бывает. Она пользуется всеми привилегиями субъекта Федерации, но никаких обязательств перед Федерацией не несет. Мы не можем спросить с грозненских властей даже за то, что с их территории совершаются вооруженные набеги на соседние регионы» [21, с. 7]. Иными словами, «критический случай» еще и потому выгоден обеим сторонам, что создает ситуацию *максимальной неопределенности*: ни федеральные, ни местные органы власти должным образом не контролируют расходование бюджетных средств на местах. Поэтому неизвестно, на что идут выделяемые федеральным бюджетом деньги: на восстановление экономики, помощь переселенцам или же на закупки оружия и взрывчатки для боевиков.

Даже в ситуации «ни мира – ни войны» в недрах российской бюрократической машины невозможно отыскать фигуру или ведомство, персонально отвечающее за, скажем, социальную защиту немощных граждан, оказавшихся в зоне кризиса, за судьбу сотен одиноких граждан, затерянных на полях «критических зон».

Логика развития «критического случая» есть частный случай логики социальной деволюции. Любые созидательные действия (восстановление жилья, инфраструктур, социального порядка) имеют спорадический характер, поскольку в конечном счете детерминируются именно логикой этого нисходящего процесса. Поэтому, по моему мнению, в ситуации «критического случая» рациональное, т.е. накопительное (расширенное) общественное производство невозможно вообще. Нормой является иррациональность: созидание – разрушение – частичное восстановление – снова разрушение... Т.е. порочная, но приносящая выгоду нисходящая «спираль». Всякое креативное действие в данной ситуации может быть только частичным, временным, на скорую руку сделанным и только *за счет* ресурсов, привлекаемых извне или отнятых у другого, столь же эфемерного «производства». Кстати, это – доведенный до мыслимого логического предела советский «способ производства», одним из институционализированных механизмов которого было бесконечное латание дыр. Обратной стороной этой двойной, разрушительно-восстановительной логики войны является истощение ресурсов государства, стремящегося восстановить социальный порядок на данной территории, и как следствие – истощение ресурса самой контртеррористической операции.

Таким образом, при всей специфичности «критического случая», он есть логическое продолжение ситуации, сложившейся в государстве и обществе: то же господство бюрократии, тот же теневой рынок и черный бизнес, та же хроническая нехватка средств и потому постоянные задержки с выплатой зарплат, пенсий и «боевых», использование устаревших оружия и техники и весьма сомнительного, а то и просто негодного, «человеческого материала».

Социальный порядок

«Критический случай» представляет собой разрушение «нормального» (привычного) порядка жизни и регулирующих его фоновых практик. Вместе с тем этот случай есть среда (ситуация), заставляющая находящегося в ней «нормального» (мирного) индивида пересматривать присущую ему систему ценностей и повседневных практик под единственным углом зрения – самосохранения и выживания, т.е. в конечном счете формирование иного доминирующего взгляда на мир.

«Критический социальный порядок» – это отсутствие не только права жителей на жизнь и безопасность, но и каких-либо гарантий их основных гражданских прав и свобод: на жилище, труд, образование, медицинское обслуживание, права на свободное передвижение и

волеизъявление, в общем – на все. Страх и голод – *основные «организаторы» социального порядка* в критических зонах. Ключевые семантические блоки, отражающие практику подобного порядка: «сами ничего не можем», «ничего не знаем» и «ни на что не надеемся».

Критический порядок представляет собой совокупность приватизированных порядков. Формально в «критических зонах» социальный порядок устанавливается и регулируется сверху – государством и его силовыми структурами. Эти структуры формируют и реализуют данный порядок посредством совокупности практик, легализуемых идеей подавления «внешнего врага» и обеспечения национальной безопасности. Однако реально функции части важнейших институтов, призванных обеспечивать этот порядок, деградируют: местная администрация выступает исполнителем директив силовых структур, прокуратура из надзирающего органа превращается в наблюдающий, армейские подразделения берут на себя функции дознания и наказания. Кроме того, в формировании данного порядка участвует и противоборствующая сторона (или стороны). Наконец, длительное существование «критического случая» порождает неподконтрольные ни той, ни другой стороне военизированные формирования, устанавливающие в зонах своего влияния собственный (частичный, точечный) порядок. Такая чресполосица «приватных» социальных порядков, создавая ситуацию высокой неопределенности, в конечном счете ведет к разрушению всякого социального порядка.

Эта неопределенность есть средство поддержания критического порядка. Государство как социальный институт реагирует на каждый «критический случай», но «управлять» его разрешением не может. Слишком разные интересы задействованы в каждом конфликте, ресурсы недостаточны, мотивация неопределенна. Кроме того, всякий подобный случай есть легитимация сохранения существующей бюрократической машины, которая, в свою очередь, постоянно поддерживает систему «коллективной безответственности». За порядок в Чечне сегодня фактически официально отвечают полдюжины федеральных силовых структур и столько же гражданских.

Все это в совокупности ведет к стагнации «критического случая», к «зависанию» и консервации сложившейся системы взаимоотношений. Ситуация в различных «горячих точках» России сходна в том, что она находится в вялотекущей фазе высокого риска и столь же высокой неопределенности, истощающей ресурсы всех вовлеченных сторон, но тем не менее обладающей способностью к устойчивому самовоспроизводству.

Данный социальный порядок имеет точечную структуру. Если в стабильном обществе социальный порядок покрывает всю подконтрольную территорию (страны, региона), т.е. действует повсеместно и постоянно, то в «критическом случае» социальный порядок ограничен во времени и пространстве. Например, блокпосты и иные опорные пункты силовых структур – это лишь дневная сеть порядка, которая к тому же не покрывает всей территории критического региона. Ночью эта сеть превращается в очаги самозащиты (блокпосты на ночь запираются изнутри). Но и ночная власть боевиков и бандформирований тоже ограничена сетью определенных точек. В итоге за социальный порядок ночью не отвечает никто, значит и устанавливать его на свой страх и риск может кто угодно.

Вообще, всеобщий страх и столь же всеобщее недоверие – важные детерминанты «критического» социального порядка. Все боятся всех. Как писала А. Политковская, «В Чечне до такой степени никто никому уже не доверяет и столько пережито предательств, что от любой колонны, проходящей на скорости, блокпост инстинктивно ждет выстрелов в упор... Группировка в Чечне – это очень заметно – живет в состоянии перманентного страха и когда ты до конца доверяешь только тем людям, которые рядом, плечом к твоему плечу» [22, с. 7]. Всеобщий риск как «организатор» социального порядка – это максимальная дисперсность страха и недоверия, фактическая невозможность определения источника и степени реальной опасности. Источником опасности может быть (как по отзывам воюющих, так и местных жителей) кто и что угодно – любой военный или гражданский, любой предмет, дорога, зеленка.

Поскольку вся социальная среда в ситуации «критического случая» выступает по отношению к силам поддержания порядка как угрожающая, рискогенная, силы, призванные осуществлять этот порядок, не имеют ни четких критериев, ни реальных возможностей для различения законопослушных и криминальных акторов. Поэтому так называемые адресные зачистки имеют своей целью не столько наведение порядка, сколько уничтожение источников опасности для самих силовых структур.

Напомним, что по закону антитеррористическая операция, как и всякая силовая акция, направленная на защиту социального порядка, есть действие против конкретного преступника (индивида, группы, сообщества). Однако в «критических случаях» идеологической основой устанавливаемого социального порядка фактически является доктрина «коллективной ответственности», т.е. коллективная ответственность местного населения за преступления, совершаемые отдельными лицами и группировками. По существу, местное население воспринимается противоположной стороной как «враждебное сообщество». Практики «нормального» социального порядка – обращение к главе местной администрации, прокурору, коменданту, службам социальной защиты, наконец, к любому другому «начальству» с тем, чтобы легальным способом зафиксировать причиненный вред – здесь крайне затруднены или неосуществимы. Доминируют практики силовые.

Вместе с тем многие социальные институты, и в первую очередь именно службы социальной защиты, привыкшие работать в «нормальных» условиях и под защитой закона, оказались совершенно не готовыми к действию в условиях «критического случая», т.е. в рискогенной и непривычно для них организованной социальной среде.

Например, в «мертвой зоне», каковой долгое время был Грозный, уже не энергией распада, а полумертвыми *продуктами распада* этого бывшего человеческого сообщества являются «ничейные люди» (неизвестные старики и беспризорные дети). Что тоже является одним из отличий «критического случая». Государственная система помощи оказавшимся в беде не прошла испытания «критическим случаем». Трудно сказать, что могло сделать в подобных условиях и другое защитное ведомство – по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям, когда эти «ничейные люди» спасались по сотням землянок и подвалов большого города и ситуация в каждой его точке была чрезвычайной.

Поскольку в операциях по элиминации «критического случая» участвуют различные силовые ведомства, имеющие разные задачи, и поскольку логика силового взаимодействия сторон вынуждает российские силовые структуры действовать изолированными группами и подразделениями (блокпосты, группы зачистки, поддержки, прикрытия, местная милиция, группы самообороны и др.), эти социальные акторы начинают формировать собственные практики установления и регулирования социального порядка. Наличие подобных практик – еще одно свидетельство «приватизации» социального порядка.

Логическим завершением развития «критического случая» является *беспредел*, представляющий собой совокупность «практик вседозволенности» при фактическом бездействии правовых ограничений или санкций со стороны общества. Беспредел есть отрицание общества как упорядоченного и управляемого целого. В терминах концепции «общества риска» беспредел есть максимальный (смертельный) риск для риск-потребителей при минимальной ответственности для риск-производителей. Другими словами, беспредел есть максимальная ставка для некоторого социального субъекта (жизнь) в ситуации полной невозможности непосредственного ответа на угрозу (все ресурсы выживания в чужих руках). Беспредел – это социальное пространство, где невозможно жить, но откуда невозможно и убежать. Наконец, беспредел обозначает «черную дыру» социального порядка, т.е. территорию, где велик шанс исчезнуть без следа, без возможности найти живых или погибших, опознать, похоронить как полагается.

Беспредел имеет двойственное происхождение. Его корнями являются слабость государственной власти, теневой рынок, криминализация части силовых структур, отсутствие гражданского контроля над армией. Вместе с тем беспредел чаще всего возникает

в зонах вакуума социального порядка, т.е. прежде всего в зонах правового и информационного вакуума. Там, где властные структуры и организации гражданского общества должным образом не осуществляют своих функций. Беспредел, как правило, легитимируется двумя принципами: «достижение цели любой ценой» и «война все спишет».

Беспредел как жизненная ситуация (и как среда обитания) порождает двойственную реакцию. С одной стороны, *непосредственно* беспредел означает экзистенциальное молчание, бездействие, отказ от какого-либо проявления себя как личности: не говорить, не называть себя по имени, никак не обнаруживать себя. И уж тем более ничего не требовать. Потому что всякое «обнаружение» может стоить жизни себе или близким.

Беспредел как безвыходная ситуация заставляет местных жителей готовиться к смерти, страх и усталость переходят в апатию: «Не все ли равно, как умирать, если жить нельзя?». Однако в критической зоне в ситуации беспредела находятся практически все. Необходимость молчать, постоянные унижения, страх, невозможность кому-то пожаловаться, написать правду домой или рассказать ее журналистам, призвать на помощь представителей правозащитных организаций – таков удел многих солдат-срочников. Отсюда желание многих из них выбраться из этой зоны любой ценой, бежать куда угодно, лишь бы там были еда и закон.

С другой стороны, беспредел стимулирует накопление потенциала разрушения. Это желание мстить – всем, без разбора, без адреса (т.е. всему обществу) за унижения, болезни, за незаконные задержания и санкции, за попрание элементарных человеческих прав. Т.е. длительное воспроизводство беспредела в одном конкретном месте порождает *отложенную реакцию* смертельного риска для всего общества. Но это также и формирование «беспредельных» групп и сообществ, сбивание в «стай», выдвигание «своих авторитетов» для того, чтобы защититься от своих же. Наконец, из зоны беспредела есть хотя и эфемерный, но единственно возможный выход: откуп и выкуп, но опять же «беспредельный» – без всяких гарантий, контроля со стороны правозащитных организаций и в полном информационном вакууме.

Заключение

«Критический случай» есть предельное состояние «общества риска», т.е. случай, когда производство рисков (как бедствий, разрушений) является доминирующим способом общественного производства. Подобные случаи могут как возникать в ходе длительной деволуции общества, так и конструироваться политическими средствами. Рассматриваемый случай есть легитимация производства рисков, выгодная силам, находящимся за пределами критической зоны. Существующие социальные институты не способны выполнять возложенные на них функции. Этот случай есть также гуманитарная катастрофа, ведущая к невосполнимым потерям человеческого капитала.

В рассматриваемом случае социальный порядок теряет всеобщий характер и фактически приватизируется. Логическим завершением «критического случая» является беспредел. В терминах концепции «общества риска» беспредел есть максимальный риск для риск-потребителей при минимальной ответственности для риск-производителей. Иными словами, «критический случай» представляет собой иррациональный социальный порядок (порядок беспредела), который заставляет нас пересматривать сложившиеся представления о норме и патологии, привычном и экстремальном и т.д. Тем не менее «критический случай» должен анализироваться именно как форма социального порядка: его базовые ценности и нормы, субъекты, структура, ресурсы, сфера охвата, механизмы осуществления санкций, способы институционализации и повседневные практики.

Общество не может бесконечно существовать на принципах беспредела. Но и воспитанные, возвращенные им люди не могут вмиг измениться. Поэтому беспредел скорее всего будет постепенно трансформироваться в «порядок», но поначалу основанный на

законах «зоны», потом – «черного», теневого, «серого» бизнеса и т.д. Как мы уже не раз отмечали, обратный ход гораздо более труден и долгов, нежели прямой.

Литература

1. *Матвеева С.Я., Шляпентох В.Э.* Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
2. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина и В.А. Ядова. М.: Московский обществ. научный фонд, 1999.
3. *Шубкин В.Н., Иванова В.А.* Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
4. *Кузьмина А.А.* Риск-рефлексия в идеологии российского экологического движения // Россия: риски и опасности «переходного» общества / Под ред. О.Н. Яницкого. М.: Институт социологии РАН, 1998. С.199–224.
5. *Гудков Л.Д.* Страх как рамка понимания происходящего // Куда идет Россия?.. Власть, общество личность / Ред. Т.И. Заславская. М.: Моск. высшая школа соц-ных и экономич. наук, 2000. С. 429–438.
6. Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Институт социологии РАН, 2001.
7. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Социальное безумие. История, теория и современная практика. Киев: Абрис, 1994.
8. *Здравомыслов А.Г.* Социология российского кризиса. Статьи и доклады 90-х годов. М.: Наука, 1999.
9. *Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: РГГУ, 2000.
10. *Шабанова М.* Институциональные изменения и неправовые практики // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Моск. высшая школа соц-ных и экономич. наук, 2001. С. 319–327.
11. *Яницкий О.Н.* Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 70–84.
12. *Yanitsky, Oleg.* Sustainability and Risk: The Case of Russia // Innovation. Vol. 13. No 3. 2000. pp. 265–277.
13. *Яницкий О.Н.* Россия как общество риска: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Издательство КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 21–44.
14. *Яницкий О.Н.* Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
15. *Капелюшников Р.* «Где начало того конца?... (К вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики, 2001. № 1. С. 138–156.
16. *Волков В.* Силовое предпринимательство в современной России // электронный журнал «Экономическая социология» (www.ecsoc.msses.ru). Том 3. Глава 1. 2002. С. 20–42.
17. *Радаев В.* Российский бизнес: на пути к легализации? // Вопросы экономики. 2002. № 1. С. 68–87.
18. *Кагарлицкий, Б.* С террористами не разговариваем, но помогаем // Новая Газета, 24–30 января 2000. С. 4.
19. *Фурман Д.* Самый трудный для России народ. Чечня, которую мы не знаем. // Независимая Газета, 11 ноября 1999. С. 8.

20. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
21. *Собянин С.* Политики сдали Чечню силовикам. // *Общая газета*, 23–29 сентября 1999. С. 7.
22. *Политковская, А.* Планета в составе России // *Новая Газета*, 11–14 января 2001. С. 7.